

КОНСТРУКТИВИЗМ И РУССКАЯ «ВЕРА В ВЕЛИКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ ЛЕ КОРБЮЗЬЕ

УДК 72.038.11
ББК 85.11г

О.И. Явейн

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению осмыслений и оценок Ле Корбюзье архитектуры СССР 1920-х – 1930-х годов и анализу взаимных влияний русской архитектуры того времени и творчества великого французского мастера. Тематика статьи генетически связана с аналитическими разборами Ле Корбюзье греко-византийской традиции и его оценки продолжения той же линии развития в архитектуре допетровской Руси. Настоящая статья развивает в конкретных фактах и деталях общую идею единства в сознании Ле Корбюзье, двух столь несхожих периодов развития русской культуры – авангардного и допетровского как связи Русского Авангарда с его историческими корнями и раскрывает истоки как «безграничной самоотдачи», Ле Корбюзье так и особого эмоционального отношения к творчеству французского мастера в России.

Ключевые слова: проект, конструктивизм, Центросоюз, вера, поэтическая идея, эстетика, лирическое начало, инстинкт, воля, разум, реализация

CONSTRUCTIVISM AND RUSSIAN "FAITH IN THE GREAT EXPERIMENT" IN REFLECTIONS AND ASSESSMENTS BY LE CORBUSIER

O.I. Yawein

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of Le Corbusier's reflections on and assessments of the USSR architecture of the 1920s – 1930s and analysis of mutual influences of the Russian architecture of this time and the work of the great French master. Subjects of the article are genetically linked to the critical analysis of Le Corbusier's Greco-Byzantine tradition and its assessment on the continuation of the same line in development of architecture of the pre-Petrine Russia. This article develops the specific facts and details of the general idea of unity in the mind of Le Corbusier, two such disparate periods in the development of Russian culture - the avant-garde and the pre-Petrine as links Russian avant-garde with its historical roots and reveals the "boundless dedication" and the emotional attitude to the Russian oeuvre of Le Corbusier.

Keywords: constructivism, faith, the poetic idea, aesthetics, lyrical instinct, the will, the mind, the implementation

О связях Ле Корбюзье с Советской Россией, его творческих контактах с нашими архитекторами, о его столь обнадёживающем и столь горьком опыте работы для нас, о «корбюзианизме в СССР» и влиянии русского конструктивизма на французского мастера – обо всём этом писалось много. Но пласт исследований последних десятилетий и в

первую очередь материалы сравнительно недавно изданной на русском языке книги Ж.-Л. Козна и провоцируют и иной ракурс на те же события. Ниже мы попытаемся обозначить субъективно важную для нас тему взаимовлияний русского авангарда и Ле Корбюзье, акцентируя внимание на некоторых особенностях видения русского опыта французским мастером.

Возможно, представленные фрагменты станут своеобразным научным комментарием к «восклицанию» крупнейшего исследователя творчества Ле Корбюзье Ж.-Л. Козна, о драматической истории работы французского мастера в Советской России и его контактах с нашими архитекторами: «Поразительно, что именно в этом, едва знакомом ему славянском мире, перевёрнутом вверх дном революцией 1917 года, он обнаружил благодатное поле для своей деятельности. Именно здесь, более, может быть, чем в других случаях, призрачная возможность получить реальные или кажущиеся заказы советских властей, стала для Ле Корбюзье предлогом к безграничной самоотдаче, доходящей в некоторые моменты до безумия». [2, с. 15]. В записях афонских переживаний молодого Жаннера обнаруживаются и источники особой эмоциональности его отношений с нашей культурой и нашими людьми, но его профессиональные «разборы» архитектурных и живописных вещей говорят о его раннем интересе как раз к тем сферам древнего и народного искусства, которые сегодня всё отчетливее осознаются как источники Русского авангарда.

Цель данного исследования – выявление и обобщение суждений и идейных оценок Ле Корбюзье об архитектуре, отдельных личностях и общественной жизни в Советской России 1920-х – 30-х годов и на этой основе раскрытие его идей, касающихся исторических корней русского конструктивизма.

В работе используются методы структурального анализа, направленные на выявлении пространственных, конструктивных и культурных моделей в ткани аналитических разборов и эмоциональных высказываний, характеризующих как строение описываемой в них архитектуры, так и архитектурные представления авторов описаний. Фрагменты из книг и писем разных лет Ле Корбюзье перемежаются с исследовательскими комментариями. Такая деконструкция мысли – тематический монтаж избранных отрывков – направлена на выявление в «виртуальном архиве» авторских высказываний незафиксированных, но актуальных связей и идей, что в свою очередь предполагает предъявление и наглядное сопоставление достаточно большого объема подлинных текстовых фрагментов.

«КОРНЯМИ РУССКОЕ ИСКУССТВО УХОДИТ В ВИЗАНТИЮ»

Настоящая статья является непосредственным продолжением исследования впечатлений Ле Корбюзье от посещений древних православных монастырей Афона [9], описанных в его книге «Путешествие на Восток» [1]. В этой книге обнаруживаются удивительные по своей тонкости и пронизательности наблюдения, касающиеся того, что мастер назвал «Архитектурной формулой православного храма». Афонская церковь по Корбюзье «представляет собой лапидарную формулу, сравнимую с маленькой почкой на дереве, в которой под прочной блестящей оболочкой перед тёплыми весенними дождями хранятся все сокровища лета (цветок), осени (плод) и зимы (медленное таинственное зарождение)» [1, с. 94-95]. Мастер раскрывает этот образ зарождения и развития живой природы в описаниях преобразований построек и форм Афонских храмов, подчёркивая, что все они являют собой модификации храма Святой Софии, которые при любом уменьшении стараются воссоздать бесконечность первоисточника. Не менее непредвзяты и глубоки наблюдения, касающиеся пространственного смысла иконостаса, символики цвета, отношений пространственных построек в фресковой живописи к архитектурной пластике, конструкциям и пространству.

«Здесь происходит твёрдая и резкая кристаллизация эллинской прозрачности, странно сочетающаяся с непостижимыми азиатскими мотивами», – заключает мастер [1, с. 94–95].

Последнее замечание крайне важно: русская допетровская архитектура, греко-русская средневековая фреска и иконопись для французского мастера не восточная или славянская экзотика, а ветвь магистральной дороги человеческой культуры, византийский ствол которой уходит своими корнями в античную Грецию.

«Корнями русское искусство уходит в Византию, к античным росписям ваз и фрескам. Присутствие греческой античности в иконах XII века более ощутимо, нежели в совершенно декадентской росписи Помпеи».

«Интернациональный византийский стиль повсюду в Европе и Азии. Джотто не одинок; в это время в Москве, в Киеве, в Ярославле – подлинные шедевры. Русская тенденция более благородна (греческая вазопись третьего периода). Росписи итальянских алтарей сродни иконостасам Московского Кремля» [2, с. 68].

«Видел (в Кремле – О.Я.) церкви с совершенно необычными иконами. ...Изысканный урбанизм. Восхитительный ... стиль. ...Настоящие откровения» [2, с. 68-69].

Это как раз тот мир, в котором сам мастер искал начала подлинного искусства, мир, наблюдая, зарисовывая и изучая который в «Путешествии на Восток», молодой Жаннере формировал себя и своё видение архитектуры. Открытие и освоение этой линии развития было своего рода личной программой Жаннере. Видимо, и взаимоприятие, взаимовлияние (включая и взаимные личные симпатии и антипатии конкретных людей) и даже своеобразное единение Ле Корбюзье и Русского Авангарда, притом, не только архитектурного, связаны также и с ориентацией последнего на поиски истоков нового искусства в древней иконе и допетровской архитектуре.

В записях на горе Афон обнаруживается и ещё одна, сугубо эмоциональная нота, без ощущения которой невозможно понять те особые взаимоотношения, которые сложились у французского гения с Советской Россией. Эта нота отчётливо звучит в описаниях «потрясения от священного обряда», которое молодой Жаннере испытал на Афоне отстояв в Иверском монастыре Всенощную по православному обряду, при этом изо всех сил стараясь провести ночь с «исступлённо молящимися», а не с теми, кто не выдержал и вышел «прикорнуть где-нибудь в закутке двора».

«После целого года тьмы иконостас пылал золотом, освещаемый огненным факелом даров, установленных на хорах... И завывания и крики, и вопли, и стоны, и речитатив, агонизирующая мелодия литургической фразы... И вдруг я чувствую, как стучит в висках и подгибаются колени... на рассвете церковь должна раскалиться от молитв! Муэззины, скликающие с минаретов правоверных в предвечерний час, – это ничто, усюдарские дервиши тоже не отличаются столь явной исступлённостью: крики души, крики диких зверей и ночных хищных птиц. Кажется, что набухшие виски вот-вот лопнут. На побагровевших лицах вырисовываются узловатые вены. Эти четверо или пятеро, упрямо продолжающие однообразную страстную песнь, опершись на подлокотники скамеек, конвульсивно закидывают головы и направляют свои взоры в черноту купола. ... Наконец, закрыв глаза, я вижу чёрный саван, усыпанный золотыми звёздами. В саване я, но неведомый звёздам! ...Словно чучело, меня тащат в трапезную» [1, с. 98-100].

Двадцатью годами позднее Ле Корбюзье почувствует нечто подобное в архитектурной жизни России «Здесь ничего не объясняется иначе, чем через обращение к вере, к мифу. Это вера в великий эксперимент... Неисчислимое, пылкое, страстное и решительное племя» [4, с. 72].

«САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЧТО ИНТЕРЕСУЕТ ВСЕХ РУССКИХ, ЭТО, В КОНЕЧНОМ СЧЁТЕ, ПОЭТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ»

Отношение Ле Корбюзье к архитектуре Советской России, конечно, было много сложнее, чем это представлено в отобранных нами ниже цитатах. Выбрана лишь одна, откровенно «идеализирующая» линия видения нашей архитектурной жизни тех лет французским мастером, но это именно та линия, что задавала некий камертон, в тембрах которого и происходили и творческий диалог, и духовное единение, и личная дружба – всё то, от чего Ле Корбюзье никогда не отказывался даже после всех разочарований, провалов и того, что он сам называл «поношениями».

«Мне думалось, что в Москве я встречу противников в лице создателей конструктивизма. Это мнение было основано на позиции, занятой частью немецких архитекторов, провозгласивших весьма полезные принципы «Новой вещественности» (Neue Sachlichkeit). ...Однако оказавшись в Москве я обнаружил не носителей духовного антагонизма [своих духовных антагонистов – вариант перевода [2, с. 137], но убеждённых приверженцев того, что я сам почитаю за основу всего человеческого творчества: возвышенность интенции, возносит само произведение над плоскостью простых утилитарной функций и придает ему лиризм, доставляющий нам радость.

Подобная позиция является вполне русской, поскольку русские в душе своей художники. В частности, я обнаружил в Москве подлинную страсть ко всему, что связано с архитектурой, встретил многочисленную, увлечённую и страстную когорту решительных людей, неустанно работающих над выработкой новой архитектуры, живущих в поразительном единстве духа и идеала и плодотворно ищущих наиболее характерные и, насколько возможно, чистые решения...» [2, с. 263].

«...Россия создала архитектурное движение под названием «конструктивизм»

...На базе высокой морали, со всем энтузиазмом людей, освобождённых от всяческих пут и условностей, была сделана попытка сделать из архитектуры манифест чистоты, и лицом к лицу с азиатским и византийским многоцветьем... встали в рост строгими символами огромные конструкции из металла и армированного бетона,, конструкции новой доктрины. Это был манифест. Духовный порыв предшествовал реализации. Произошло прямо обратное тому, что случилось во Франции:

Основателем конструктивистского движения является Александр Веснин...

...К моему приезду в Москву он организовал выставку работ своих студентов. Работы представлял сам Веснин и вместе с нами, толпясь у стендов выставки, находились примерно 150 начинающих архитекторов. Выставка была захватывающей – мне неизвестны другие подобные манифестации, представляющие столь яркую концентрацию духовной силы.

Итак, конструктивизм, является, по сути, носителем интенсивного лирического начала, способного даже на выход за очерченные рамки; он с упоением передаёт экзальтированность будущим. У меня возникло ощущение, что самое главное, что интересует всех русских, это, в конечном счёте, поэтическая идея» [2, с. 265].

«...русское представляло собой моральную встряску, манифестацию души, лирический порыв, эстетическое творение, кредо в современной жизни. Чисто лирический феномен, чёткий и ясный жест в одном направлении – к решению» [2, с. 138].

«Деловые помещения строятся в самом современном стиле. Категорическая формула, порой со вкусом. ...В столь же современном духе создают клубы, заводы, гидроэлектростанции. Они получают огромные заказы и им по 30 лет» [2, с. 64].

«Я действую, преследуя осуществление целей, ведущих к гармонии. То, что я почувствовал, может быть самое верное в советском явлении, – это вот что: только русская художественная душа допустила чудо устремления к одной общей мечте. Я считаю, что силы, воодушевляющие нас опираются, базируются на эстетике, и для меня, несмотря на слова «рациональные», «функциональные», которые сейчас очень в моде, для меня это определение является наилучшим комплиментом, и оно содержит в себе надежду на успех. Одной воли недостаточно; воля и разум могут разрушать, но могучий инстинкт, любовь к чему-нибудь могут вознести людей и народы к наивысшей участи» [2, с. 281].

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО Я МЫСЛЮ ТАКЖЕ, КАК ЭЙЗЕНШТЕЙН, КОГДА ОН СНИМАЕТ КИНО»

Ле Корбюзье давно стремился увидеть фильмы С.М. Эйзенштейна и особенно «Броненосец Потёмкин», который во Франции был запрещён к публичному показу. В 1928 году был организован просмотр фильмов «Броненосец Потёмкин» и «Генеральная линия». Ле Корбюзье подарил Эйзенштейну свою книгу «Декоративное искусство сегодня» с надписью: «На память г-ну Эйзенштейну после просмотра мною «Потёмкина» и «Прямой линии». Мне кажется, что я мыслю также, как Эйзенштейн, когда он снимает кино. ...С огромной симпатией и безграничным восхищением» [2, с. 64-66].

Мне неизвестно столь же откровенное признание Ле Корбюзье о единстве его способа мыслить с кем-нибудь ещё.

«ГОСПОДИН ЖОЛТОВСКИЙ ЯВЛЯЕТСЯ АРХИТЕКТОРОМ НЕОБЫЧАЙНОГО ТАЛАНТА»

Вынесенная в заголовок фраза Ле Корбюзье взята из записки от руки 10 марта 1932 года [2, с. 223]. Ниже приведена цитата из письма Ле Корбюзье А.В. Луначарскому, где мастер выражает готовность сотрудничать с Жолтовским, ставшим одним из трёх победителей конкурса на Дворец Советов. Однако независимо от конкретной ситуации, вызвавшей столь странное для Ле Корбюзье заявление, здесь видно, что, вопреки расхожим представлениям о архитектурном новаторе XX века, для Ле Корбюзье важен прежде всего уровень архитектуры, и уже во вторую очередь – является ли эта архитектура современной или нет. Ведь двух других победителей того же конкурс мастер просто не замечает. Из этой же цитаты видно и то, как высоко оценивает французский мастер уровень русского неоклассицизма и палладианства, несмотря на всё своё идейное неприятие «отошедшей в историю формы архитектуры» на которой, по его словам из того же письма, «неожиданно задержался» Жолтовский.

«Он (Жолтовский – О.Я) – настоящий архитектор, восприимчивый и очень талантливый. ...с ним я буду разговаривать об архитектуре гораздо охотнее, чем с большинством из моих западных коллег, именующих себя «современными архитекторами» [2, с. 224].

«ИГРА СТОИТ СВЕЧ. ПРОЕКТ СТРАШНО ИНТЕРЕСЕН»

Здесь представлены цитаты и комментарии, касающиеся двух основных архитектурных работ Корбюзье для СССР – Центросоюза и Дворца советов. Здание Центросоюза – одна из этапных работ Ле Корбюзье. В процессе проектирования этого здания мастер сделал ряд нововведений, которые определили затем язык его архитектуры. Вплоть до 1950-х годов Центросоюз оставался крупнейшим объектом, построенным мастером. Строительству предшествовала победа на конкурсе, который проходил в три этапа: открытый конкурс, закрытый конкурс и третий заказной закрытый конкурс, к участию в котором были привлечены ведущие мастера советской архитектуры и иностранные

архитекторы П. Беренс и Ле Корбюзье. Конкурс дал немало блестящих предложений, вошедших в историю архитектуры. Но заключительный этап работы жюри развивался по драматическому сценарию. Русские участники конкурса сделали то, о чём французский архитектор-исследователь Ж-Л. Коэн в своём выступлении в зале Центросоюза в день 125-летия мастера буквально со слезами на глазах сказал: «Такого не было никогда раньше и, скорее всего, никогда больше не будет!». 27 октября 1928 года группа участников конкурса, в большинстве своём ленинградцы (А. Никольский, А. Оль, Л. Гальперин, А. Самойлов, П. Нахман) обратилась в правление Центросоюза с коллективным письмом, в котором призвали поручить проектирование и строительство Центросоюза Ле Корбюзье. Через два дня руководство ОСА также направило письмо аналогичного содержания, подписанное А. Весниным и М. Гинзбургом. Создалась беспрецедентная ситуация, когда практически все конкурсанты (за исключением П. Беренса и И. Жолтовского) буквально потребовали отдать заказ Ле Корбюзье, что после некоторых проволочек растерявшихся чиновников и было сделано.

Ещё о поступках человека, без которого ничего бы не произошло: Исидор Евстигнеевич Любимов родился в бедной крестьянской семье, профессиональный революционер, в 1926 году назначен председателем Центросоюза, увлёкся градостроительством запада, опыт которого специально изучал во время служебных командировок в Париж, Лондон, Берлин. Сразу сработался с Ле Корбюзье, который письменно обсуждал с ним изменения и новые идеи, возникшие в ходе разработки проекта. После перевода Любимова на другую работу в Германию строительство, во многом движимое его энергией, остановилось, стройка была заморожена и по существу брошена. Такие ведущие представители «Современного движения», как бывший директор Баухауза Ганнес Майер, призывают ликвидировать эту стройку как неуместную в СССР. Вернувшийся из Берлина Любимов переведён в другое ведомство, теперь он нарком лёгкой промышленности. Казалось, всё кончено. Однако в своей новой должности Любимов добивается передачи здания возглавляемому им теперь наркомату и возобновляет строительство здания Наркомлегпрома, как теперь именуется проект. У Корбюзье просыпается надежда, он пишет Н.Д. Колли: «Для меня это очень большая радость. Наконец-то Центросоюз будет жить! Остановка строительства стала для нас весьма грустным событием. Возобновление работ под вашим руководством – это залог успеха. Вторая радость – возвращение г-на Любимова. Между ним и мной возникла дружба. Между нами обоими – взаимное доверие и уважение. Г. Любимов – человек архитектуры: он понимает, более того он любит. Благодаря такому человеку русская архитектура прочно стоит на скале. Заверьте его, что я сделаю всё, чтобы он мог гордиться результатом этой работы» [2, с. 114].

В 1936 году строительство здания закончено. В 1937 году Любимов уже расстрелян... Что двигало этим человеком? Ведь не до архитектуры ему было! Как в последние драматические годы его жизни среди шквала неотложных дел, страхов и надежд у него хватало желаний и сил бороться за осуществление архитектурных изысков архитектурной утопии, которая уже явно разошлась с направлением, указанным партией?

Здесь нельзя также не вспомнить и о поступке А. Веснина, который с самого начала утверждал, что Центросоюз «будет, несомненно, лучшим зданием, построенным в Москве за последнее столетие», [2, с. 117] и который много позднее, в годы, когда простая осторожность и здравый смысл требовали вести себя хотя бы чуть-чуть сдержаннее, в ответ на явно провокационный вопрос публично и печатно отвечал: «Да, я считаю, что Корбюзье на Мясницкой находится на уровне Брунеллески».

Перипетии Центросоюза, возможно, позволяют лучше понять как «призрачная возможность получить ... заказы» именно в России «стала для Ле Корбюзье предлогом к безграничной самоотдаче, доходящей в некоторые моменты до безумия» (Ж-Л. Коэн). Действительно, в следующем конкурсном проекте Дворца Советов, выполненном в исключительно короткие сроки, эта запредельная страстная интенсивность работы, видимо, достигла уровня, на который даже Ле Корбюзье не выходил ни ранее, ни потом.

«Мне необходимо найти ответы на вопросы

Акустики

Отопления-дыхания

Этот проект, реализация которого должна последовать незамедлительно, выставляется на конкурс....

Игра стоит свеч. Проект страшно интересен» [2, с. 193].

«Усталость раздавливает, но мы движемся вперёд вместе, командой. Наша небольшая армия исполнена сознания собственной ответственности. Каждый за своей чертежной доской находит, выслеживает, расстреливает встреченные по пути ошибки, от мельчайших деталей до целого. Нет ни ошибок, ни дыр, ни лжи: вся работа целиком протекает в поразительном единстве. Мне вспоминается один день работы над планами Дворца Советов (все мы, около пятнадцати человек, работали на протяжении трёх месяцев), время подгоняло, наши дни заканчивались далеко за полночь, иногда на заре. Кто-то вдруг предложил внести новые изменения, за ним другой. И здесь я буквально взорвался: «Если ещё кто-нибудь позволит себе предложить новые изменения, я его тут же выставлю за дверь! Мы должны всё закончить сегодня! Этот эпизод показывает градус нашего замечательного содружества» [2, с. 213].

«Советские власти заказали мне проект. Программа требовала использования всех современных технических средств. На протяжении трёх месяцев пятнадцать чертёжников занимались аналитической разработкой проекта. В последний месяц работа велась почти круглосуточно. В нашем бюро царил всеобщий энтузиазм. Со всей страстью изучались даже самые незначительные мелкие детали. Открывая или придумывая что-нибудь новое тот, или другой чертёжник восклицал: «Им в Москве это понравится!». И действительно, мы все думали, что будет проведено техническое рассмотрение проекта с учётом строительной и архитектурной реальности. Наш проект основывался на: движении, видимости, акустике, аэрации-вентиляции, статике сооружения. Вывод? Ничто из этого даже не было рассмотрено! Ровным счётом ничего! Были премированы эскизы фасадов, академические купола, и даже жюри в своём решении признало, что отмеченные премиями проекты не содержат ни малейших указаний о способе крепления потолков в залах, об акустике, об отоплении-вентиляции!!! Планируемый «венец» для итогов пятилетки обрушился под «духом Женевы».

Разочарование наших пятнадцати чертёжников было невообразимым: они испытали гнев и отвержение» [2, с. 231].

«Я В СОМНЕНИЯХ, БЕСПОКОЙСТВЕ, ГРУСТИ, В ВОЛНЕНИИ ОТ СОЗНАНИЯ, ЧТО ЭТОТ НАРОД ПОСТАВЛЕН В ЗАТРУДНЕНИЕ УЖЕ ПОТОМУ, ЧТО ЕМУ ПРИШЛА В ГОЛОВУ ЭТА ИДЕЯ»

Здесь приведены два фрагмента текстов Ле Корбюзье. Первый взят из письма к матери, написанном из Москвы в начальный, «романтический» период знакомства с СССР. Вторая цитата из письма А.В. Луначарскому, в котором Ле Корбюзье, по словам Ж-Л. Козна, «буквально отчитывает комиссара просвещения» в «странном уроке большевизма, преподанном соратнику Ленина». Поставленные рядом, эти цитаты демонстрируют, наряду с личными эмоциями, также небезразличие и сложность отношения Ле Корбюзье к русскому «социальному эксперименту».

«Наш мир ясен и прозрачен, но эта прозрачность отбрасывает чёрные тени. А в этих тенях? Только Христу и армии спасения дано разглядеть. Значит всё далеко от совершенства?

С этой точки зрения, следует допустить, что восстание, революция имеют свои права. А наша общественная система не столь окончательна, как кажется? Я в сомнениях, беспокойстве, в грусти, в волнении от сознания, что этот народ поставлен в затруднение уже потому, что ему пришла в голову эта идея» [2, с. 72].

«Не будем путаться в лабиринтах риторики: мне прекрасно известно, что народ включая простого мужика, находит превосходными королевские дворцы и почитает за хороший тон украшать фрагментами фронтонов храма изголовья своих деревянных кроватей. Должна ли думающая голова советских республик вести за собой или же просто поощрять вкусы порождённые человеческой слабостью?»

Мы ожидаем от СССР жеста указующего, поднимающего и направляющего, потому, что именно он выражает наиболее высокое и чистое суждение о сущем... Я испытываю ужас от вынужденной необходимости задавать подобные вопросы.»

«Подобно Лиге Наций, Дворец Советов будет построен в стиле итальянского ренессанса... СССР, союз советских пролетарских республик, воздвигнет дворец, который будет надменен и чужд народу... Мы ожидаем от СССР жеста, который определяет, возвышает и направляет, поскольку он выражает самое высокое и ясное суждение. А если нет? Если нет, то не будет больше ни СССР, ни доктрины, ни тайны, ничего...» [2, с. 83-84].

«Я РАБОТАЛ ДЛЯ СССР ОТ ВСЕГО СЕРДЦА»

Приведённые здесь выдержки из писем к Александру Александровичу Веснину (которого Ле Корбюзье называл «Основателем конструктивизма», «Духовным отцом молодой русской архитектуры» и просто «дорогим другом») демонстрируют отношения этих двух мастеров и их верность дружбе при любых обстоятельствах. Кстати, Ле Корбюзье никогда не менял своего отношения к тем, с кем работал в России и тогда, когда их положение менялось и личные отношения ничего, кроме вреда, принести уже не могли. Уже после второй мировой войны он пытался подключить к работе над проектом ООН (возглавить одну из создаваемых международных комиссий) уже совершенно «задвинутого» у нас и всеми тогда забытого А. Веснина, о котором Ле Корбюзье уже более десяти лет не имел никаких известий.

«Я работал для СССР от всего сердца: Центросоюз, Дворец Советов, план Москвы. Я ни от кого не получаю известий. Вы забываете ваших друзей. Я уверен, что вы делаете большие дела...» [3, с. 142].

«Париж. 10 августа 1934 г.»

«Дорогой друг!

В мае я получил посланную через общество культурной связи СССР с заграницей серию фотографий ваших работ и ваших проектов, которые доставили мне большое удовольствие по двум причинам. Первая заключается в том, что, как я вижу, вы смогли осуществить некоторые из ваших проектов и сделали это в стиле, достойным вас и тех усилий, которые мы делаем во всех странах ради архитектуры нашей эпохи.

Вторая причина та, что вы меня не забыли и сохранили ваши дружеские чувства ко мне, несмотря на корыстные и бесчестные нападки некоторых низких людей, которые стараются очернить меня в Советской России.

Вы только подумайте, ведь я не был в Москве с 1930 г. и мне не дают возможности приехать и объяснить свой проект Дворца Советов. Этот Дворец Советов был для меня огромным разочарованием. Нелегко согласиться с мыслью о том, что будет построена вещь, столь странная, как та, которой сейчас полны журналы.

Подумайте также о том, что я не имею почти никаких сведений о моей постройке – Центросоюзе. Это тяжело для того, кто, подобно мне, обладает сильным чувством отцовства. Этот проект делался с любовью, тщательно, в течение долгого времени. Жестоко, что я даже не увижу этого здания...

...Диктуя это письмо, я снова рассматриваю ваши проекты и восхищаюсь вкусом, с которым вы их выполнили. Ваша страна представляет великолепные, необыкновенные возможности, и нужно, чтобы современная архитектура нашла в ней не только своё место, но и настоящее выражение.

Вы меня достаточно знаете, чтобы быть уверенным, что всегда найдете во мне сочувствие ко всему честному, смелому, бескорыстному, всему, что служит неизбежному развитию общества и что может принести людям настоящее счастье, а также счастье чистой совести. Только это меня и интересует и ничто другое.

Привет всем и вам в особенности. Ещё раз спасибо

Ле Корбюзье..» [3, с. 142].

«Для меня является несомненным, – писал Коэн Ж-Л. – что Москва наложила отпечаток на всё творчество Ле Корбюзье, и следы его пребывания в России отчётливо видны не только в архитектуре, но и в теоретическом дискурсе, причём в последнем они, возможно, ещё заметнее. Примечательно, что все одобрительные либо полемические тексты Ле Корбюзье, равно как и тексты его московских поклонников, толкователей и ниспровергателей, даже восемьдесят лет спустя сохраняют свой совершенно особый аромат» [2, с. 10-11].

Настоящая статья посвящена так называемому второму «Путешествию на Восток» Ле Корбюзье. Наблюдения и выводы настоящей статьи связаны с анализом впечатлений совсем ещё юного Жаннера, описанных в его первом «Путешествии на Восток» [9] и развивают в конкретных фактах и деталях общую идею единства в сознании Ле Корбюзье, казалось бы, полярных и разделённых несколькими столетиями периодов существования русской архитектуры и культуры – укоренённого в византийской традиции допетровского и советского авангардного. В тоже время по-иному ставятся вопросы об истоках взаимных влияний. Действительно, если бы не русский опыт архитектура Ле Корбюзье после тридцатых годов была бы другой. Другой видимо была бы и наша новая архитектура. Поразительно, что у нас чуть не до семидесятых годов в дискуссиях о «Шарле Эдуардовиче» проступало некое особое сочетание любви, почитания, нарочитой иронии, за которой проглядывала ревнивая зависть, раздражения вплоть до объявления источником современных бед и проблем – этакий букет эмоциональных несовместимостей, который совершенно невозможен по отношению к иностранцу. Такое возможно только в отношении к «своему».

Если обратиться к некоторым истокам этой удивительной взаимосвязи и попытаться соотнести отношения между Ле Корбюзье и Русским Авангардом с историческими корнями (не всеми, конечно) этих двух огромных явлений мировой культуры [9], то мы сможем лучше понять и их связь, и «безграничную самоотдачу» Ле Корбюзье, и тот эмоциональный накал, с которым в России только его одного любили и ниспровергали в одно и то же время.

Литература

1. Ле Корбюзье. Путешествие на Восток / Корбюзье Ле. – М. : Стройиздат, 1991. – 120 с.
2. Коэн Ж-Л. Ле Корбюзье и мистика СССР. Теории и проекты для Москвы 1928-1936 / Ж-Л. Коэн. – М. : Изд. Арт-Волхонка, 2012. – 316 с.

3. Чиняков А. Ле Корбюзье и Веснины // В сб: Советская архитектура. – М. : Изд. лит по строительству, 1969. – С. 142.
4. Ле Корбюзье – акробат архитектуры. Интервью с Б. В, Доши // В сб.: Вистара. Архитектура Индии. Каталог выставки. – Бомбей : Изд. «Тата Пресс Лимитед», 1984. – 242 с.
5. Ле Корбюзье. Тайны творчества: между живописью и архитектурой. Каталог / Корбюзье Ле. – М. : ГМИИ им Пушкина, 2012. – 466 с.
6. Le Corbusier. Voyage d'Orient. Les voyages d'Allemagne. Electa. – Fondation L.C., 2002. – 1764 s.
7. Jenkcs Ch. Le Corbusier and the Continual Revolution in Architecture. – The Monacelli Press, 2000. – 304 s.
8. Kortan E. Turkish Architecture and Urbanism through the Eyes of Le Corbusier. – Boyut Kitaplari, 2005. – 155 s.
9. Явейн О.И. Русская архитектура как продолжение греко-византийской линии развития искусства в исследовании Ле Корбюзье // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – № 3. – 2016. – С. 20-24.

References

1. Le Korbusiye. *Puteshestviye na vostok* [Journey to the East]. Moscow, 1991, 120 p.
2. Koen Z-L. *Le Korbusiye I mistika SSSR. Teorii I proekty dlya Moskvy 1928 -1936* [Le Corbusier and mysticism of the USSR. Theories and projects for Moscow 1928 -1936]. Moscow, 2012, 316 p.
3. Chinyakov A. *Le Korbusiye I Vesniny* [Le Corbusier and Vesnins. Collection Soviet architecture]. Moscow, 1969, P. 142.
4. *Le Korbusiye – acrobat architektury. Interviu s B.V. Doshy* [Le Corbusier - acrobat architecture. Interview with B. B Doshi. Collection Wistar. Architecture of India. The exhibition catalog]. Bombay, 1984, 242 p.
5. Le Korbusiye. *Tainy tvorchestva: mezdu zivopis'uy I arhitekturoi. Katalog* [Le Corbusier. Creativity Secrets: between painting and architecture. Catalog]. Moscow, 2012, 466 p.
6. Le Corbusier. Voyage d'Orient. Les voyages d'Allemagne. Electa, Fondation L. C., 2002, 1764 p.
7. Jenkcs Ch. Le Corbusier and the Continual Revolution in Architecture, The Monacelli Press, 2000, 304 p.
8. Kortan E. Turkish Architecture and Urbanism through the Eyes of Le Corbusier. Boyut Kitaplari, 2005, 155 p.
9. Yawein O.I. *Russkaya architektura kak prodolzheniye greko-vizantiyskoi linii razvitiya iskusstva v issledovanii Le Korbusiye* [Russian architecture as a continuation of the Greco-Byzantine line art development in the study of Le Corbusier. Academic Gazette UralNIIProekt RAASN]. 2016, no. 3, pp. 20-24.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Явейн Олег Игоревич

Кандидат архитектуры, профессор кафедры Советской и современной зарубежной архитектуры, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: yawein@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yavein Oleg Igorevich

PhD in Architecture, Professor Chair of Soviet Architecture and Foreign Contemporary of Architecture, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: yawein@mail.ru